

**КОММУНИКАЦИЯ ОТРИЦАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ РАДИКАЛЬНОГО
КОНСТРУКТИВИЗМА – ПРОБЛЕМА АСИММЕТРИИ И УДВОЕНИЯ
(НА ПРИМЕРАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ 20-Х ГГ. XX В.)**

The article reveals some aspects of communication of negation – a problem of asymmetry and doubling.

Современная белорусская историческая наука все больше внимания уделяет развитию методологии познания истории. При этом немаловажным является развитие междисциплинарных связей. Последние позволили не только существенно обогатить методологический аппарат истории, но и сделать предмет исторического исследования ранее не рассматриваемые феномены.

Одними из самых важных и перспективных «новых» сфер интересов исторической науки являются синергетика и лингвистика. Что касается первой, то ее освоение исторической наукой только начинается и затруднено рядом обстоятельств, в том числе тем, что синергетика в чистом виде – это, по сути, набор формул, неотделимых от ключевых принципов этой науки. В исторической же действительности формализуемо далеко не все [1]. То, с чем мы зачастую сталкиваемся «под видом» синергетики, есть теория самоорганизации, использующая ключевые принципы синергетики как теоретико-философский аппарат [2, с. 89]. Однако и на его основе разрабатывается серьезная методология и формируется одно из магистральных направлений социальных исследований. Примером может стать набирающая силу так называемая конструктивистская парадигма (Ф. Варела, У. Матурана – авторы теории автопоэзиса, Н. Луман и др.), провозглашающая ряд принципов, по-иному фокусирующих исследование социальной действительности. Особый интерес для нас представляет теория коммуникативных систем Н. Лумана, поскольку именно эта концепция в наибольшей степени продвинулась в изучении именно социальной действительности.

Важнейшим понятием концепции автопоэзиса является коммуникация: «Мы называем коммуникацией координированное поведение, которое взаимно запускают друг у друга члены социального единства» [3, с. 171]. Язык же в данном случае есть способ взаимной координации у людей: «Язык никогда никем не изобретался только для того, чтобы воспринять внешний мир. Следовательно, язык не может быть использован как орудие для открытия этого мира. Скорее, именно с помощью оязычивания акт познания порождает мир в той поведенческой координации, которая есть язык» [3, с. 184]. При этом в рамках конструктивистского под-

хода по указанным причинам «...контекст обозначения (определения значения) объединяется с контекстом взаимодействия» [4].

Н. Луман, воспользовавшись этими построениями Ф. Варелы и У. Матураны, считает язык «...посредником, обеспечивающим понимание коммуникации на надындивидуальном уровне» [5]. Кроме того, он представляет язык как один из так называемых медиа коммуникации как системного явления, наряду с медиа распространения (письменность, массмедиа) и символически генерализованными медиа коммуникации. Последние по сути организуют коммуникацию предметно, будучи ориентированными на различные бинарные схемы (ключевой для политической системы является схема власть/безвластие), которые выступают как своеобразные аттракторы, «центры притяжения» коммуникации, определяющие селекцию информации.

Из всего сказанного логично вытекает, что объектом изучения Н. Лумана являются коммуникативные системы, взятые как совокупность коммуникаций, но не как совокупность индивидов. Последние выносятся за рамки коммуникативных систем, которые можно понимать как области согласованного взаимодействия [6].

Ниже мы попытаемся проиллюстрировать принципы использования некоторых построений теории коммуникативных систем (коммуникация отрицания) при анализе исторического материала (20-е гг. XX в., внутривластная дискуссия).

Будучи ориентированной на упомянутые бинарные схемы, предполагающие позитивную и негативную опции, всякая коммуникация «удваивает реальность» [7]. Однако, по мнению Лумана, только «позитивная» опция способствует дальнейшей коммуникации. Позитивная опция наибольшим образом «цементирует» формирование коммуникации, жестким образом фиксируя возможность присоединения дальнейших коммуникаций. Отрицание имеет рефлексивную направленность, она «задерживает» коммуникацию во времени, заставляя возвращаться к затронутой теме, «сгущая» селекцию вокруг одной опции.

В рассматриваемом случае (коммуникация отрицания носит эксплицитный характер) речь идет не только о задействовании обратной стороны соответствующего кода, но и о проблеме собственно языковой. Это происходит постольку,

поскольку уже в самом языке, который, как подчеркивалось, рассматривается в качестве медиума коммуникации, заложена определенная специфика, вносящая коррективы в анализ «негативной коммуникации». Однако прежде чем переходить к анализу конкретных примеров, необходимо очертить ряд особенностей, свойственных ситуациям отрицания, важных при изучении нашей темы.

Первое, о чем следует упомянуть, – «удвоение» и асимметрия коммуникации отрицания. В данном случае, конструктивистский подход во многом солидарен с философским, очерченным, к слову, А. Бергсоном. Он подчеркивал ошибочность той ситуации, когда «...отрицание представляется в точности симметричным утверждению» [8, с. 317]. Отрицание неизбежно создает асимметрию за счет того, что, согласно Бергсону, отрицание можно считать утверждением второй степени: «Оно утверждает нечто относительно какого-либо утверждения, которое утверждает нечто о самом предмете» [8, с. 318]. Аналогичным образом рассуждает и Луман: «...любое различие не отрицает того, чего оно не обозначает, но как раз предполагает это в качестве немаркированного пространства (в оригинале – «unmarked space», прим. автора)» [9, с. 41].

Аналогичным образом и конструктивисты, и Бергсон увязывают коммуникацию отрицания с памятью. Если последний подчеркивает, что для того, чтобы отрицать «...нужно углубиться в прошлое и мыслить себе контраст прошлого с настоящим исключительно в терминах прошлого...» [8, с. 326], то Луман утверждает, что «...все отрицания, непосредственно относимые к ситуациям в мире, коренятся в более ранних коммуникациях и в предположении, что процесс коммуникации протекает под влиянием вспоминаемых коммуникаций и потому должен корректироваться посредством отрицания» [9, с. 46].

Однако уже на данном этапе можно зафиксировать ряд парадоксов, связанных с негативной коммуникацией. Их суть мы продемонстрируем на ряде примеров, первый из которых является выдержкой из документа, присланного для ознакомления в ЦК КПБ и озаглавленного как «Платформа оппозиционеров и троцкистов, зиновьевцев и других к XV съезду ВКП (б)» (датирован 1927 г.). Документ содержит следующее: «Известный рост враждебных нам сил – кулака, нэпмана, бюрократа – при нэпе неизбежен. Эти силы нельзя уничтожить какими-либо административными распоряжениями или простым экономическим нажимом». И далее в том же документе: «В борьбе против сил капитализма Ленин неоднократно применял и способ частичных уступок... Маневрирование необходимо и теперь. Но лавируя и маневрируя с врагом... Ленин неизменно оставался на линии пролетарской революции. При нем партия всегда

знала причины маневра, смысл его... ту черту, дальше которой *нельзя* отступить...» [10, л. 7].

Избегая в данной работе сколько-нибудь углубленного анализа, мы можем тем не менее констатировать, что приведенный пример позволяет зафиксировать парадокс, весьма характерный для коммуникации отрицания. Суть его заключается в том, что, несмотря на указанные выше особенности (асимметрию и удвоение), мы можем обнаружить такую черту, как псевдосимметричность отрицания. Это достигается за счет того, что негативные с формальной точки зрения обороты («неизбежно», «нельзя», «неизменно» и т. д.) выступают в данной коммуникации как позитивные значения («нет» языковое как «да» коммуникативное). Они представлены как сущности, способные к присоединению дальнейших коммуникаций, выступая как формообразующие элементы.

Данная особенность широко представлена в языке, но прежде чем касаться некоторых функций подобного положения вещей следует отметить необходимые следствия указанного парадокса. Прежде приведем еще один пример. В заявлении партийной оппозиции объединенному пленуму ЦК и ЦКК ВКП (б) (по поводу речи Молотова о «повстанчестве» оппозиции, 04.08.1927) встречается такого рода декларация: «*Неправда*, будто оппозиция готовит вторую партию» [11, л. 341]. Пример содержит неявный перформативный оборот. В этом случае одна лексема заменяет собой целое выражение, однако имплицитно в нем содержится субъективный компонент. Вводное слово подчиняет себе всю фразу, на которую тем самым навешивается соответствующий ярлык. Остальная же часть фразы служит цитатой оппонента, но уже в новом отрицательном качестве. Из осуществляемого Alter сообщения некой достоверности (тезис: «оппозиция готовит вторую партию») Ego совершает селекцию информации. Указанная операция провоцирует переход к внутренней стороне формы коммуникативного кода, где она рефлексивируется как угрожающая (на основании соответствующих ожиданий), относится к нет-опции и коммуницируется в качестве отвергаемой определенности. Отрицание стремится к симметричности, дальнейший контекст предполагается уже «позитивный». Ниже мы сможем указать функции подобного осуществления коммуникации.

Парадокс псевдосимметричности тесно связан, на наш взгляд, с ключевым парадоксом, который констатируется радикальным конструктивизмом – парадоксом наблюдателя (основной вопрос Лумана – «кто наблюдатель?»); а также с особенностями функционирования самих коммуникативных систем, перед которыми «...как позитивные, так и негативные селекционные ставят проблему стабильности» [12, с. 19].

Упомянутые в начале особенности коммуникации отрицания четко предполагают, что отрицающий нечто следует в этом за утверждением, иными словами, выступает наблюдателем предыдущей коммуникации. Однако смысл любого наблюдения неизбежно сводится к тому, что наблюдатель вынужден ориентироваться в своей деятельности на опцию, полагаемую как «позитивная», оставляя отрицание на внешней стороне формы. Как отмечает Луман, даже «... тот, кто... выбирает опцию “критическое”, должен вести себя “утвердительно” по отношению к самому различению» [13, с. 187–188]. Указанный факт связан, в том числе, с тем, что «позитивное значение функционирует как предпочтение, т. е. как символ способности подсоединения, и в то же время оно выступает в качестве легитимации для использования кода в целом» [9, с. 208].

При этом, аналогично ситуации с «позитивным» выбором, не происходит наблюдения собственного выбора, и, как уже отмечалось выше, селекция осуществляется применительно к прошлой коммуникации.

Благодаря этому рассматриваемое здесь «позитивное отрицание» страхуется от перехода к обратной (утвердительной) стороне формы при помощи тех же принципов, которые задействованы в «стандартной» коммуникации.

Переход к внешней для отрицания стороне формы с необходимостью приводит к рефлексии, и коммуникация вновь возвращает в прошлое. Если что-то утверждается как «невозможное», то обратная сторона («возможное») приводит к рефлексии и, следовательно, нарушает автопозис коммуникативной системы (редукция комплексности ставится под вопрос), в чем система по определению не «заинтересована». В случае утверждения «необходимости» (в нашем случае – необходимости «маневрирования») смысл еще более сгущается вокруг «позитивно-негативной» опции, переход к другой стороне формы затруднен уже самим языком (аналогично для «нельзя»). При попытке постулировать противоположное коммуникант неизбежно вынужден употреблять более развернутый оборот, пропорционально увеличивающий возможность рефлексивности.

Таким образом, мы можем выявить самолокализацию кода в одном из своих значений, при этом учитывая и некоторую его разомкнутость (за счет самолокализации отрицания как формообразующего элемента, а отрицание, не смотря ни на что, остается таковым).

В связи с констатированным фактом следует подчеркнуть ряд специфических, антиномичных функций рассматриваемой под таким углом коммуникации отрицания.

Во-первых, отрицание не изымает нечто из коммуникации, а привносит в нее дополнительные элементы, провоцируя системную би-

стабильность. Но при этом (именно в случае «позитивного отрицания») оно стремится к изытию самой бистабильности. Характернейшим примером подобной ситуации может послужить «Резолюция пленума ЦК КП(б)Б совместно с комиссарами и начальниками политотделов корпусов и дивизий и центральным активом КП(б)Б о новых выступлениях оппозиционного блока против партии» (5–9.10.1926). «Платформа оппозиции на 14-м съезде сводилась к нескольким моментам: 1) *неправильная* оценка перспектив международной пролетарской революции; 2) *неверие* в силы пролетариата и недооценка возможностей социалистического строительства; 3) *непонимание* переходного характера существующего строя и трактовка нэпа как только отступления, недооценка крепнущих социалистических элементов нашей экономики; 4) *признание* промышленности как государственно-капиталистической, а не социалистического типа; 5) *недооценка* середняка, полная капитуляция перед троцкистской линией в вопросе о крестьянстве; 6) мелкобуржуазная, в прошлом осужденная позиция Троцкого в вопросе о партии, *отрицание* большевистской дисциплины, принципа единства, недопущения фракций» [14, л. 48–49].

Кроме очевидного манипулятивного эффекта, подобные фразы генерируют смысловое поле, содержащее лишь два полярных компонента, один из которых позитивный, другой – четко негативный. Парадоксальность заключается именно в том, что смысл концентрируется вокруг формально негативного, а с коммуникативной точки зрения – вокруг «позитивного» смысла. Соответственно, с одной стороны, обладание властью ассоциируется с принадлежностью к «правильной линии» и со способностью и возможностью эту линию формировать, т. е. присоединять коммуникации. В приведенном примере единственное приписанное оппозиции «конструктивное» действие – «признание» имеет в итоге самый мощный негативный эффект. Это связано с тем, что такие формы, как «неправильно», «неверие», «непонимание», содержат в себе отрицание, а следовательно, имплицитно возможность «отбросить» приставку «не». Иными словами, эти словоформы как бы не отпускают того, кому они приписываются далеко от позитивного антонима. «Признание» же в данном случае означает лишь категоричный вывод о принадлежности оппонента к однозначно противоположной канонической точке зрения. Шестой пункт «платформы» выполняет во многом аналогичную функцию, приписывая сначала Троцкому определенную неканоническую (идентификатор – мелкобуржуазную) установку, а затем – отрицание явно позитивного признака, который, вдобавок, выполняет роль идентификатора для его прини-

мающих. С другой стороны, поскольку практически все «не» данной коммуникации выступают как определяющий признак, становится возможным присоединение дальнейших «негативных коммуникаций» (применительно к оппоненту) и преодоление бистабильности.

Во-вторых, отрицания стабилизируют некую тему через повторение, но останавливают коммуникацию во времени за счет рефлексии. Примером может послужить выдержка из «Данных обследования группы ЦК КПБ: Ковалев, Залесский, Жучко, Сенько» (датировано 1925 г.): «Як были большевики, так налог *не* брали, а як коммунисты, жыщця *нема*... (так в оригинале – прим. авт.)» [15, л. 9].

В-третьих, отрицание призвано подчеркивать случайность подсоединения дальнейшей тематизации (к утверждаемому) и невероятность коммуникации (ср. приведенный выше пример: «Неправда, что оппозиция готовит вторую партию»), так как «позитивное значение всегда символизирует способность подсоединения друг к другу специфических для медиума операций, в то время как негативное значение символизирует лишь случайность условий этой способности» [9, с. 206]. Но при этом оно невольно «покушается» на легитимность использования кода в целом.

И в-четвертых, отрицание используется Его для стабилизации собственной самореференции в области согласованного взаимодействия («Я есть в коммуникации» – в противовес Alter), но направлено против редукции комплексности, внося в коммуникативную систему бистабильность. Как пример можно представить заявление от члена КПБ Я. Э. Жиганова ячейке Марьино-Горецкого с/о техникума: «*Я был секретарем ячейки КП (б) Марьино-Горского с/о Техникума, где было много трудностей в работе, в работе помогать никто не помогал, и ежели были ошибки в работе, то их никто не исправлял и не указывали, как надо вести работу, чтобы не было ошибок и значит в ячейке было недовольство некоторой части партийцев-кандидатов на мое руководство, считая зажимом, но этого не было, а если были ошибки в работе, то это вина всех нас, а больше всего преподавателей партийцев, которые сейчас себя очищают*» [16, л. 103].

В качестве результирующей посылки мы можем утверждать следующее: и амбивалент-

ность, и описанные парадоксы коммуникации отрицания представляют из себя факторы динамики коммуникативной системы. Самолокализация кода в одном из своих значений несет в качестве следствия свое собственное преодоление, одним из вариантов которого является «позитивное отрицание». В силу того, что последнее обладает способностью присоединять дальнейшие коммуникации, мы можем говорить о дальнейшей реализации потенциализированной возможности (схема: «утверждение – отрицание и «потенциализация» отклоненного – присоединение» вместо «утверждение – отрицание и «потенциализация» отклоненного – присоединение к утверждению»).

Литература

1. Сергеев В. Н. Синергетика и проблема конкретно-исторического анализа // Труды БГТУ. Сер. V. Политология, философия, история, филология. – Мн., 2004. – Вып. 12. – С. 113–118.
2. Афанасьева В. В. Детерминированный хаос: от физики к философии. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – 182 с.
3. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. – М.: Прогресс – традиция, 2001. – 224 с.
4. Витакер Р. Обзор основных понятий теории автопоэзиса // <http://www.synergetic.ru>.
5. Луман Н. Невероятность коммуникации // <http://www.soc.pu.ru>.
6. Никлас Луман – теория систем как методология конструктивизма // <http://www.situation.ru>.
7. Луман Н. Что такое коммуникация // <http://www.soc.pu.ru>.
8. Бергсон А. Творческая эволюция // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. – Мн.: Харвест, 1999. – 1408 с.
9. Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
10. НАРБ. Ф. 4п. Центральный Комитет Компартии Беларуси. Оп. 21. Ед. хран. 159.
11. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Ед. хран. 160.
12. Луман Н. Эволюция. – М.: Логос, 2005. – 256 с.
13. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.
14. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 20. Ед. хран. 30.
15. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 20. Ед. хран. 220.
16. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 21. Ед. хран. 185.